

И.Г. Якушкин

ЛЕКЦИИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ОБЩЕСТВА
И РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ
В XX ВЕКЕ

Иван Георгиевич Якушкин Лекции по истории русского общества и русской культуры в XX веке

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57222415

Лекции по истории русского общества и русской культуры в XX веке /

И.Г. Якушкин: Прометей; Москва; 2020

ISBN 978-5-00172-028-7

Аннотация

Книга, которую вы держите в руках, посвящена истории общественной и культурной жизни в XX веке. Этот век богат грандиозными историческими событиями, отразившимися как в сознании русских людей, так и на произведениях русской культуры. Россия была включена в состав государства совершенно нового типа, с небывалыми общественными отношениями внутри него. Тем не менее Россия осталась верна той культурной гуманистической традиции, которая была заложена предшествующими поколениями. Автор прослеживает историю русского общества и русской культуры на протяжении всего века, выделяя различные исторические периоды, каждый из которых отличается неповторимым своеобразием. Книга останавливается на высших достижениях русской культуры XX

века, память о которых должна сохраняться наряду с памятью о достижениях предшествующих веков. Такие достижения мы находим и в литературе, и в изобразительном и музыкальном искусстве. Особую роль в мировой культуре сыграли русский театр и русское киноискусство. В этих получивших мировое признание произведениях отразился и героизм русского народа, победившего в великой войне, и его стремление к идеалу, и скорбь о многочисленных жертвах. В завершении книги автор, подводя итоги истекшего века, напоминает людям о необходимости сохранять в памяти свою историю и быть верными заветам своих предков.

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1	9
Лекция 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Якушкин
Лекции по истории
русского общества и
русской культуры в XX веке

© Якушкин И.Г., 2020

© Издательство Прометей, 2020

Предисловие

Настоящая книга представляет собой продолжение книги автора «Лекции по истории общественной жизни и культуры России» (М.: Прометей, 2019). В заключении предшествующей книги автор попытался сформулировать свое представление об основных духовных ценностях русской культуры, как они сложились на протяжении веков. Возможно, главной ценностью автору представляется чувство Родины, объединяющее людей разного социального положения, образования, политических взглядов и даже национальной принадлежности и религиозных убеждений. Это чувство, как отмечали такие люди, как немецкий поэт Райнер Мария Рильке и американский лингвист Эдуард Сепир, лишено сознания национальной исключительности и делает человека открытым и всему миру, и случайному попутчику. Следует заметить, что подобное чувство включает и патриотизм в обычном понимании этого слова, и чувство гражданского долга. К сожалению, в настоящее время находятся люди, отрицающие такое единство. Но мы хорошо знаем, что все великие граждане России – Радищев, декабристы, Герцен, Толстой, Короленко, Блок, Волошин были одновременно и патриотами, страстно любившими свою Родину.

Двадцатый век, которому посвящена настоящая книга, был для России драматическим и даже трагическим време-

нем. Революция и страшные войны перевернули жизни и сознание миллионов людей. Многие традиционные ценности были поставлены под сомнение и, по крайней мере, временно забывались. Но нельзя не отметить, что в этом веке Россия достигла высшей точки своего исторического пути. Она победила мировое зло и сказала человечеству то новое слово, которое еще предстоит оценить. Это слово – отрицание власти собственности и духа наживы. Такое отрицание всегда существовало в глубине русского сознания. Начало XXI века, к сожалению, толкнуло Россию на другой путь.

Возвращаясь в своих мыслях к ушедшему веку и проследившая его историю, изучая ее и по отдельным фактам, и по произведениям искусства и литературы, мы наглядно представляем себе судьбу тех духовных ценностей, на которых строилась жизнь наших предков, видим их забвение и возрождение. Только такое обращение к прошлому может помочь нам обрести почву под ногами и смотреть в будущее с оптимизмом. Главный урок, который мы можем для себя извлечь, это все то же чувство Родины, остающейся все той же во все века, включая и минувший двадцатый. Мы называем свою Родину Россией, но это название не несет в себе национального содержания. Оно объединяет всех, кто привержен русской культуре, русскому языку и кто понимает, о чем идет речь в стихотворениях Лермонтова «Бородино», «Родина», «Ангел».

Как думает автор, взгляд человека на историю не может

быть не связан с семейной традицией, с тем, чему была посвящена жизнь его предков. Для автора эта традиция связана с судьбой декабриста И.Д. Якушкина и его потомков. Подобно Пьеру Безухову из романа Толстого, это были люди, искавшие свое место в жизни, но не ради себя. Это были «России верные сыны», по определению Федора Глинки.

Данная книга, как и предшествующая, написана на основе лекций, прочитанных в МПГУ, и центре «Социальное партнерство» по инициативе Ю.Л. Хотунцева, И.Г. и В.Г. Леоновых. Выражаю им свою глубокую благодарность.

Первая лекция представляет собой некоторое резюме заключительных глав предшествующей книги. В последующих лекциях идет речь об общественной жизни и культуре Советского государства. Послесловие посвящено постсоветскому периоду. Дополнительный материал по этой теме содержится в книге автора «Русская революция и советское государство. Политика и культура. Взгляд через сто лет». (Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2017).

Лекция 1

Русская культура на рубеже столетий

Что представляла собой Россия к моменту смерти царя Александра III и восшествия на престол его сына Николая Александровича? Прошло 30 лет со времени реформ Александра II, но Россия все еще сохраняла черты средневекового государства с отчетливо выраженной сословной структурой. Таких сословий было четыре: дворянство, духовенство, городские обыватели (от купечества до рабочих) и самое многочисленное – крестьянство. Каждый человек с рождения принадлежал к одному из сословий и обладал соответствующими возможностями, включая выбор рода деятельности, доступ к образованию, возможности перемещения внутри страны и за границу, и материальный достаток, который для каждого из сословий резко различался, как и взаимное положение мужчины и женщины. Понятие о правах личности, давно формировавшееся на Западе, рассматривались как противоречащее национальным устоям.

Реформа 1961 года, как это описал в своей поэме Некрасов, не удовлетворила никого. Крестьянину была дана личная свобода, но частично отобрана земля. Его свобода не стала свободой перемещения пространственного и социаль-

ного, а кусок его земли стал совсем тесным. Но и дворянство не получило ожидаемых политических прав. Вся власть по-прежнему была сосредоточена в руках царя-самодержца, управлявшего империей с помощью назначаемой им администрации. Во главе бюрократического аппарата стояли любимцы царя.

Отец Николая II, Александр III, был искренним патриотом, но не имел больших способностей и образования. Свое правление, как и его дед Николай I, он основывал на известной формуле «самодержавие, православие и народность», заменившей предшествующую «вера, царь, Отечество». Третья составляющая формулы – народ – понималась как единое целое, объединенное любовью к Богу, царю и какими-то не вполне ясными жизненными устоями. Вся политика проводилась царем, и была особенно последовательной благодаря влиянию обер-прокурора Синода, Константина Победоносцева, о котором Александр Блок сказал: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла».

В результате население страны все больше начинало ощущать те стеснительные рамки, в которых оно находилось. В центре внимания людей разного социального положения оказались два вопроса – о земле и о самодержавии. Оба они были традиционными для русского общества. Земля была и оставалась главной ценностью для всего народа. Это было нечто почти одушевленное, дающее хлеб в обмен на завещанный Богом труд. В древних воспоминаниях это была

вольная земля, на которой жил вольный человек, это был простор, открытый не только труду, но и странствию. Позже для крепостного крестьянина этот простор сузился до небольшого участка, на котором он был не столько хозяином, сколько гостем у помещика. Все же между помещиком и крестьянином при всем неравенстве в их взаимном положении существовал род договора о взаимной поддержке. Такой договор был вызван государственной необходимостью и казался крестьянину временным. Над ним и помещиком возвышалась фигура царя, блюдущего справедливость. Царь, кроме того, был и священной фигурой. Как император, он воплощал единство империи, состоявшей и из сословий с разными интересами, и из народов с разной культурой. Еще сохранялась крестьянская вера в царя и в то, что его слуги извратили его добрые намерения. Но другое дело была его администрация. Конечно, среди приближенных к трону были и такие достойные люди, как граф С.Ю. Витте, но их было явное меньшинство. Большинство чиновников заботилось о собственной выгоде и карьере.

По словам В.Г. Короленко, «между царем и народом, – он (крестьянин) представлял себе лишь сплошную массу чиновников и помещиков, стремящихся заодно обмануть царя и всячески обездолжить народ. Все образованные люди – в сюртуках ли или в мундирах – представлялись русскому крестьянству на одно лицо – хитрыми врагами». Чиновников народ особенно ненавидел и в то же время, в отличие от

настоящих господ, еще и презирал.

В начале 1895 года едва ли не все население России жило надеждами на перемены, которые принесет новое царствование. Ожидания, однако, не оправдались. На приеме депутатов от дворянских обществ 17 января 1895 года новый царь Николай Александрович назвал эти надежды «бессмысленными мечтаниями». Великий историк В.О. Ключевский тогда же предсказал, что сын Николая II не будет царствовать. Подтверждавшая пессимистические прогнозы цепь трагических событий началась в мае 1896 года, когда во время коронации в Москве на Ходынском поле возникла страшная давка, вызванная раздачей народу подарков и приведшая к гибели многих людей.

Среди городского населения еще оставались горячие сторонники монархии, видевшие в царе фигуру, необходимую для сохранения империи. Но значительной части образованного общества институт самодержавия казался устаревшим. Для большинства представителей интеллигенции именно царь все более становился олицетворением враждебного начала. Появилась прокламация, написанная П.Б. Струве в форме обращения к царю, со словами о начале борьбы общества с самодержавием. И борьба действительно началась. Наступало время революций.

Но, для того чтобы ситуация в государстве начала меняться, кроме общего недовольства, необходимы были люди, готовые взять на себя задачу осуществления реформ или рево-

люции. В русском обществе, оппозиционном сложившемуся порядку вещей, к началу XX века существовали две основные реформаторские тенденции: прозападническая и национально-народническая. Русские западники хотели или уничтожения самодержавия, или его ограничения властью парламента. Западничество этих людей не означало отсутствие патриотизма. Как и Петр Великий, и Екатерина II, они хотели заимствовать опыт Запада, для того чтобы превзойти его, отбросив достаточно очевидные к тому времени пороки капитализма. Вопрос о капитализме тоже решался неоднозначно. Примыкавшая к либералам-западникам буржуазия, конечно, стремилась к развитию рынка. Но каково должно быть соотношение между крупной и мелкой собственностью? Насколько мелкое крестьянское или городское ремесленное хозяйство позволит успешно развивать экономику? Это смущало тех либералов-западников, которые поддерживали идею наделения крестьян землей.

Либералам-западникам противостояло народничество, несколько изменившее свой облик по сравнению с XIX веком. Народники, в скором времени назвавшие себя социалистами-революционерами, в большей степени отвергали опыт Запада. Они решительно отвергали и самодержавие, и вообще сильное государство и надеялись на возрождение в России некоторого старинного земского правления. Будучи преданны интересам народа, но не надеясь на его сознательность, многие из эсеров-народников вслед за Перов-

ской и Желябовым исповедовали индивидуальный террор. Этот способ борьбы с деспотизмом был хорошо известен со времен убийства афинского тирана Писистрата, а затем римского диктатора Юлия Цезаря. Спор о том, убийца Цезаря Брут – герой или преступник, – продолжался века и, по сути дела, продолжается и ныне в спорах о революционном насилии. Но русские террористы, будучи по своим личным качествам героями, ничего не изменили и не могли изменить в сложившейся ситуации. Дело было совсем не в отдельных личностях. Это хорошо понял главный революционер наступавшего века, сказавший после казни террориста брата: «Мы пойдем другим путем». Это был Владимир Ульянов – Ленин. В поисках идеи, которую можно было бы противопоставить и самодержавию, и капитализму, Ленин обратился к учению Карла Маркса. Маркс говорил о построении чего-то совершенно нового – коммунистического общества, зачатки которого он видел в возникших при капитализме, объединенных общим трудом рабочих коллективах. Это был путь воплощения в жизнь утопических мечтаний об обществе без частной собственности.

Но есть ли необходимые условия в России? На этот вопрос было два ответа. Во-первых, капитализм в России развивается и рабочие коллективы становятся все более многочисленными. Во-вторых, дело идет не о русской, а о мировой революции, в которой Россия могла бы участвовать. Отстаивая эти два тезиса и следуя уехавшему в эмиграцию быв-

шему народнику Г. Плеханову, Ленин собирал вокруг себя единомышленников.

Когда марксисты создали социал-демократическую партию, возник спор о том, какова должна быть она по своей структуре. По идее Ленина, в партии должны были господствовать централизация и дисциплина. Члены партии, поддержавшие Ленина, получили название «большевиков», а их противники – «меньшевиков». Как оказалось, спаянная дисциплиной партия стала прообразом будущего государства, хотя с самого начала все надеялись на временный характер такой централизации. Странным образом роль руководителя в партии, человека с максимальным авторитетом, перекликалась с ролью царя-самодержца.

Первая русская революция началась как следствие неудачной войны. О желательности «маленькой победоносной войны» для успокоения общества говорил позже убитый террористами министр внутренних дел Плеве. Такая война между Россией и Японией началась в январе 1904 года и сразу оказалась крайне тяжелой. Цель войны была непонятна, а поражения и неспособность генералов – очевидны. Надвигались времена грозные для государства и династии. Жертвы народа должны были быть возмещены. Напряжение во всех сословиях достигло предела, а власть бездействовала. Еще оставалась надежда на царя. Но события 9 января 1905 года показали, что царь не идет навстречу народу. Возможно, Николай II и его жена Александра Федоровна не поняли зна-

чения шествизя народной депутации к Зимнему дворцу и ее расстрела. Но это событие имело роковое значение. Уже с февраля начались активные выступления терявшего веру в царя населения.

Между тем русские войска потерпели поражение в 12-дневном сражении под Мукденом, а 14 мая 1905 года русский флот стал жертвой разгрома под Цусимой. К разворачивавшейся в разных формах (стачки, террор) революции присоединялись военные, а крестьяне стали поджигать дворянские усадьбы. Они требовали земли как компенсацию за отданные жизни близких. Испуганное правительство пошло на уступки, но эти уступки никого не удовлетворили. Наконец, в межпартийной, оппозиционной среде родилась идея общенациональной политической забастовки. Когда она началась, оказались парализованы железные дороги. Ненадежность армии не позволила царю ответить иначе, чем изданием 17 октября 1905 года манифеста о введении в России нового государственного порядка и демократических свобод. Это удовлетворило часть общества, но не всех. В декабре в Москве началось вооруженное восстание. Часть жителей города его поддерживала, но перед силой сразу готова была отступить. Возвратившая себе уверенность власть издала приказ, кончавшийся словами: «Патронов не жалеть».

Подготовка к выборам в Государственную Думу позволила развернуться всему многопартийному политическому спектру, который по сравнению с нашим временем поража-

ет определенностью и ясностью программ. Особенно важна была аграрная программа. Крестьянство сильно изменилось за последние годы, стало смелее и грамотнее. Его ненависть к помещикам уже сочеталась с вниманием к партиям, от которых можно было ждать приемлемого решения земельного вопроса. Большинство видных представителей земской и университетской интеллигенции, адвокатуры и либеральной публицистики вошло в партию конституционных демократов (кадетов). Эта партия, обещавшая разрешение земельной проблемы, и одержала блестящую победу на выборах.

Сразу возник вопрос об «ответственном» перед Думой министерстве, что привело к немедленной конфронтации с царем, тем более что инициатор созыва Думы граф Витте был уже отправлен в отставку. Министром внутренних дел стал убежденный монархист и защитник дворянских привилегий П.А. Столыпин. Одновременно начались дискуссии по земельному вопросу. Кадетская аграрная программа предлагала отчуждение плохо используемых помещичьих земель за выкуп. Но правительство почувствовало силу и не шло на уступки, а думское большинство находилось между двух огней. За готовность к компромиссу оно подвергалось резкой критике со стороны «левых» публицистов. Пока царь колебался, Столыпин сам обвинил Думу в нежелании содействовать разрешению проблемы. И в ночь на 10 июля 1906 года Дума была распущена, а Столыпин сделан главой кабинета.

Народ и общество относительно спокойно встретили ро-

спуск Думы, хотя на самом деле это была катастрофа. Путь свободного развития государства в демократическом духе был перекрыт. Как сказал лидер кадетов П. Милюков, «план людей, совершивших 9 июля, очевидно, рассчитан на низкую расценку общественной сознательности». Вторая Дума также была разогнана. Это был уже антиконституционный государственный переворот. Выбранная по другому избирательному закону III Дума была уже совершенно послушной царю и правительству.

Революция завершилась поражением, но события в деревне с ее «иллюминациями» показали, какие разрушительные силы скрывались за кажущимся спокойствием населения. Это потрясло и испугало большую часть интеллигенции. Иной была реакция Ленина, осознавшего, что только страшная сила крестьянского гнева способна изменить государственный строй России, и поставившего себе целью использование этой силы.

П.А. Столыпин многими воспринимался как спаситель государства от новой смуты. Его дальнейшая политика была направлена на поддержку дворянского сословия. Он прибегал к жестоким репрессиям против участников революции и покровительствовал крайним националистам, которые устраивали еврейские погромы. С другой стороны, им был задуман и частично осуществлен новый этап русской «революции сверху». Это был ряд правовых преобразований, которые открывали новые пути развития государства. Главным

пунктом стала знаменитая реформа Столыпина, уничтожившая власть крестьянской общины. Крестьянин получил полное право самостоятельно вести единоличное хозяйство и распоряжаться принадлежащей ему землей. Этим решались две задачи: деревне открывался путь для развития товарных отношений, и создавался класс богатых собственников, заинтересованных в сохранении политической стабильности.

Реформа дала несомненные результаты, но одновременно породила новую ситуацию, также чреватую возможным социальным взрывом. Во-первых, крестьяне сохранились как сословие, не получив полного уравнивания в правах, и осталась неразрешенной, особенно в центральных губерниях, проблема крестьянского малоземелья. Во-вторых, она обострила отношения внутри крестьянской среды. Отселявшиеся на «хутора» крестьяне вызывали неприязнь со стороны оставшихся в составе общины.

В 1910 году, когда Столыпин находился на вершине успеха, он был убит при неясных обстоятельствах. Ни царь, ни его окружение не высказали сожаления по поводу такой потери.

Ближайшие три года после убийства Столыпина страна продолжала переживать начавшийся в 1909 году экономический подъем, но на политическом горизонте тучи сгущались. В непосредственном окружении царя появилась странная личность, сибирский мужик Григорий Распутин, сильно влиявший на все политические решения. Возникла дворян-

ская оппозиция, и если не самому императору, то императрице, которая покровительствовала Распутину, и ее окружению. К оппозиции присоединились даже правые. Четвертая Дума, где возник блок «прогрессистов», все чаще требовала от правительства объяснений по различным поводам, но не получала их.

Летом 2014 года началась мировая война. Выступив в защиту родственного славянского народа – сербов, Россия объявила войну Австро-Венгрии. Далее, формально выполняя союзнические обязательства, в войну вступили главные враги – Германия и Франция, а после некоторого промедления и Англия. Столкновение было порождено и геополитическими претензиями, и интересами производителей и торговцев оружием. Только небольшая часть социалистов, включая Ленина, выступала с резко антивоенных позиций. Но общий патриотический дух русского общества не соответствовал готовности армии. Русские войска, брошенные в Восточную Пруссию для помощи терпевшим поражение союзникам, заблудились в лесах и болотах Мазурского края и сами были разгромлены немцами. Война становилась все ужаснее, принимая невиданные раньше формы, за счет числа вовлеченных людей и усовершенствования оружия. Летом 1915 года русские войска терпели поражения по всему фронту. Потери были огромны. Наряду с этим резко ухудшилось снабжение войск, не хватало боеприпасов, медикаментов. Земская и городская общественность попыта-

лась вмешаться в ситуацию и взять проблемы снабжения и санитарное обслуживание в свои руки. Но этих усилий оказалось недостаточно. Правительство, фактически формируемое императрицей и Распутиным, теряло контроль над безудержным казнокрадством и бездействовало. Император принял на себя функции главнокомандующего, но это не улучшило положение дел, а только окончательно подорвало его собственный престиж. Вера в династию катастрофически падала. После дворцового заговора с участием одного из великих князей был убит Распутин. Но это только посеяло раздор в высших кругах общества. В народе нарастали антивоенные настроения и недовольство трудностями с продовольствием. Бывший в начале войны патриотический подъем совершенно иссяк.

За политическим кризисом, какой переживала Россия в начале века, скрывалось глубокое противоречие, к которому пришла русская жизнь.

Возник и становился все очевиднее раскол между сословиями. Основания для этого раскола появились уже давно. Основные ценности, лежавшие в основе русской культуры, выработанные веками, подвергались сомнению и на разных полюсах общества толковались по-разному. Не создавала единства даже религия. Не признававшее официального православия старообрядчество представляло собой самую активную часть населения. Общее всем чувство Родины до последнего времени соединялось с верой в царя. Но

две тяжелейшие войны уничтожили эту веру. В народе, как и во времена Смуты, возникло ощущение обмана. Но общего представления о правде теперь не было. Земля, бывшая основой жизни крестьянской массы, как казалось, через верховного самодержца принадлежавшая всему народу, окончательно становилась частной собственностью – объектом купли-продажи и обогащения. Свобода, полученная после Первой революции, оказалась совсем не такой, какую ожидали. Она породила новые отношения, сопряженные с борьбой за существование. Эта борьба теперь уже велась не с природой и не со сложившимся порядком вещей, а с другим человеком, у которого необходимо было что-то отнять, путем насилия или обмана.

Образованное общество переживало этот кризис по-своему. Уже с конца XIX века интеллигенция начала убеждаться в своей чуждости народу и крестьянину и городскому обывателю. Но и среди нее не было единства. Попытка воплощения лучших идеалов XVIII века не давала ни удовлетворения, ни, тем более, счастья. Часть интеллигенции полагала, что все-таки надо двигаться к воплощению идеала истинной свободы, включая равенство и братство. Другая часть предпочитала отойти в сторону от общественной борьбы, полагая вмешательство в народную судьбу излишним. Это не было равнодушием, а скорее, признанием собственного бессилия. На жизненные идеалы интеллигента конца века, помимо признанных классиков, особенно повлияли два писа-

теля – В.Г. Короленко и А.К. Толстой. Отчасти они были похожи, отчасти противостояли друг другу. Короленко вышел из среды народников и отчасти народником и остался. Выполнение долга перед народом оставалось главным делом его жизни. Отбывая ссылку, а позже путешествуя по России, он гораздо ближе и лучше, чем его единомышленники, узнал людей из народа. Как и Достоевский, он познакомился с людьми, имевшими уголовное прошлое, и вынес из этого знакомства убеждение, что человек всегда остается человеком. И каждый несет в себе свою правду. Писатель отошел от непосредственного участия в политической борьбе, так как не хотел навязывать другим свои идеалы. Но по мере сил он боролся против произвола и несправедливости. Граф А.К. Толстой, проникновенный лирик и проницательный историк, обращался к душе человека. Он писал о долге каждого перед собственной совестью. Идеи общественного служения и духовного самосовершенствования отчасти противостояли друг другу, хотя и могли сочетаться в одной общей идее, как это показал Короленко в рассказе «Тени», посвященном смерти философа Сократа.

Русское общество начала века, конечно, продолжало прислушиваться и к голосам великих деятелей русской культуры – Льва Толстого, Антона Чехова, Николая Римского-Корсакова. Но и эти голоса свидетельствовали о кризисе и начинавшемся расколе народного сознания. С одной стороны, эти мастера в своих финальных произведениях пыта-

лись оставить будущему величественно-прекрасный образ Родины как духовного Отечества каждого русского человека. Таков образ пасхальной ночи в «Воскресении» Толстого, таковы картины степи в одноименной повести Чехова. Такова пронизанная незримым светом музыка «Сказания о невидимом граде Китеже и девице Февронии» Римского-Корсакова. Но, наряду с этим, в произведениях этих же авторов возникает образ реальности, страшное содержание которого прикрывается маской двуличия и обмана. Недаром Лев Толстой был назван «срывателем всех и всяческих масок». Особое место в русской и мировой литературе занял А.П. Чехов. Признавая его огромное дарование, русский интеллигент конца XIX века считал Чехова «поэтом сумерек» и не находил в нем для себя духовного руководства. Ограничивая жившую в нем лирическую стихию, Чехов стал, и не только для России, провозвестником идеи абсурдности повседневной человеческой жизни. Какую-то поправку в такое истолкование его пьес пытался внести Московский Художественный театр, также имевший огромный успех во всем мире. Другую интерпретацию обновленного реализма Чехова стремился дать Максим Горький. Из жизни «на дне» общества он вынес идею бунта или революции.

Эта идея в разных формах в первые годы нового века все больше распространялась среди деятелей культуры. Но имели место и другие веяния. Начало XX столетия заслужило название «серебряного века» русской культуры. Господство-

вавшая перед этим система реалистического изображения жизни ставилась под сомнение. Это отчасти оправдывал авторитет Пушкина и его современников (людей золотого века), для которых красота значила не меньше, чем реальность. В «Медном всаднике» Пушкина мы видим противопоставление красоты созданного Петром города и текущей по его улицам жизни. Теперь через бредущих по мрачным закоулкам героев Гоголя и Достоевского люди искусства приходили к эстетизации Петербурга. Уже в эмиграции в неизбывной тоске поэт Агнивцев воскликнет: «Ты всех прекрасней – несравнимый блистательный Санкт-Петербург!» Этот город стал наваждением серебряного века, который воспринимал его отдельно от остальной России, хотя и чувствовал трагическую подоплеку его существования. Ее чувствовали и Блок, и Белый, и Мандельштам, и Ахматова, и Мережковский.

Культура серебряного века включала течения, испытывавшие влияние современной культуры Запада. Разворачивали свои знамена представители нового искусства, называвшие себя декадентами. Место верности общественному идеалу все больше заменяла верность самому себе, откуда следовало представление о полной свободе художника, не знающего запрещенных тем. Русские поэты-декаденты – Дмитрий Мережковский, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт и другие исповедовали культ мгновенной и подверженной неизбежной гибели красоты. Она противостояла абсурду

повседневности, стирая при этом границы между добром и злом. По инициативе «декадента-продюсера» Сергея Дягилева возник «Мир искусства», объединивший художников нового направления во главе с Александром Бенуа. Эти художники отрицали социально ориентированное и, по их мнению, недостаточно профессиональное искусство передвижников. Связывая свои образы с французским XVIII веком, они мысленно переходили от картин штурма Бастилии к картинам садов Версаля.

Выпадавшие из русской традиции декаденты недолго занимали лидирующее положение и в начале 1900-х годов уступили место символистам. Предтечей русского символизма был знаменитый философ и религиозный деятель Владимир Соловьев. В работе «Смысл любви» он утверждал главенство личного пути к познанию истины, наряду с необходимостью преодоления эгоизма и крайнего субъективизма. По его словам, личность может раскрыться единственно «в способности жить не только в себе, но и в другом». Однако новую эпоху больше всего увлекало то, что Соловьев искал соприкосновения с Богом и «мировой душой» через любовь и рассеянные всюду «тайные знаки», «проблески вечной красоты». Конечную цель деятельности человека Соловьев видел в одухотворении природной красоты и превращении физической жизни в духовную. Захваченный мыслями о подготовке почвы для создания реабилитирующей плотское начало религии, Дмитрий Мережковский организовал в Пе-

тербурге религиозно-философские собрания, где представители литературно-философской общественности вели дискуссии с представителями церкви. Во время этих дискуссий затрагивались и общественные темы. Политическое обновление связывалось с обновлением духовным, контуры которого были, однако, расплывчатыми.

На самом рубеже веков встретились двое юношей, в близком будущем знаменитые «символисты» – петербуржец Александр Блок и москвич Борис Бугаев (Андрей Белый). Оба они были поклонниками творчества Вл. Соловьева, оба чувствовали предвестия то ли преобразования мира, то ли его крушения и остро переживали судьбу России в начинающемся столетии. Андрей Белый стремился осмыслить весь накопленный человечеством опыт: науку, философию, искусство – и через это найти пути к теургии – созданию преобразенного, совершенного человека. Александр Блок в наибольшей степени оказался связанным с традицией русской культуры. Это был не только великий лирик, но и человек, едва ли не сильнее всех чувствовавший внутреннюю драму начала века. Стихи Блока, полные ожидания и переживания «встречи с Прекрасной Дамой», сразу для истинных ценителей выдвинули его на первое место среди поэтов поколения. В этих стихах как будто воплотилось то мощное иррациональное начало, тот «дух музыки», о котором писал в те годы и немецкий философ Фридрих Ницше.

Все десятилетие перед революцией 1905 года отлича-

лось крайней напряженностью духовной жизни образованного общества. Споры, однако, еще не приводили к разрыву между оппонентами. Все жили ожиданием грядущих перемен, то ли благодетельных, то ли страшных. После 1907 года политические партии находились в состоянии кризиса, погрузившись во внутрипартийную борьбу. Политическая активность большей части общества в значительной степени угасла, но одновременно расхождения во взглядах стали играть большую роль. Некоторые видные деятели культуры, переоценивая события прошедших лет, склонны были обвинить большинство интеллигенции в необдуманном развязывании революционных страстей. Свидетельством такого пересмотра позиций явился получивший широкую известность сборник «Вехи». По словам составителя сборника – выдающегося историка литературы М. Гершензона, после неудачи революции русской интеллигенции было необходимо осознать ошибочность своего сложившегося мировоззрения и покаяться. Ведущую роль в сборнике играли бывшие марксисты П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков. Основным объектом критики стало бездумное, по мнению авторов сборника, «народопоклонство» русской образованной молодежи, ее преимущественный интерес к общественной жизни и равнодушие к духовному развитию личности. Резкой критике подверглись также идеи социального равенства, утилитарный подход к философии и искусству и т. д. Статьи сборника сильно различались по своему духу и конкретной

критической направленности. Такие авторы, как Бердяев и Булгаков, продолжали начатую Достоевским полемику с атеистическим сознанием интеллигенции и повторяли его знаменитый тезис «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве». По мнению Сергея Булгакова, интеллигенция не имела права указывать народу его исторические пути и готовность к самопожертвованию не искупала легкомысленного отношения к исторической традиции. Бывший активный противник самодержавия П.Б. Струве сравнивал интеллигенцию с казачеством эпохи Смуты и писал, что ее главной виной является «отщепенство от государства». Наибольший резонанс имело предупреждение Гершензона о том, что образованное общество само будет сметено яростью масс.

«Вехи» стали точкой отсчета, относительно которой располагались различные идеологические и культурные направления. Представители левых партий, включая большую часть кадетов, выступили как решительные оппоненты сборника. По их мнению, никак нельзя возвращаться к старой формуле «самодержавие, православие, народность» и прекращать попытки формирования гражданского общества. Но в своем большинстве обе противостоящие стороны плохо понимали настроение народной массы, о котором в скором времени Максимилиан Волошин скажет: «Повоскресли из гробов Мазепы, Разины и Пугачевы – страшилища иных веков». Это предчувствовали уже теперь Андрей Бе-

лый и Александр Блок. Белому мерещились образы нарастающего безумия, всеобщего мрака и распада, которые он воплотил в стихах сборника «Пепел», отмеченных влиянием Некрасова, и в романах «Серебряный голубь» и «Петербург».

Стихотворения первых послереволюционных сборников Александра Блока рисуют образ голода, скрывающего свое лицо под «Снежной маской». Затем его подлинный, трагический лик приоткрывается. Маскарадные огни возникают и рассыпаются на фоне темного, ночного города, за которым дальше огромная страна – Россия, встреча с которой русскому интеллигенту еще только предстоит. Пока еще только два стана расположились «на Куликовом поле», и в ночь перед битвой великий поэт слушает плач земли о будущих жертвах. Причину великого раскола поэт видит в полной социальной и культурной отчужденности «двух станов». Вспоминая гоголевскую «тройку», Блок пишет: «Можно уже представить себе, как бывает в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта».

Но на этом фоне появились другие люди. В культуре тоже происходил великий раскол. Одним из главных культурных событий последних лет перед Первой мировой войной было явление футуристов. Первые манифесты футуристов появились в Италии. К ним фактически примкнули французские художники-кубисты во главе с Пабло Пикассо. В России фу-

туристы или кубофутуристы, поэты и художники, заявили о себе во всеуслышание около 1910 года. На художественных выставках «Союз молодежи», «Бубновый валет», «Ослиный хвост» появились работы будущих корифеев нового искусства – Ларионова, Гончаровой, Малевича, Кандинского, Филонова. Один из участников этих выставок, Давид Бурлюк, объединил вокруг себя относившихся с особым интересом к новой живописи поэтов, включая Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. Возник авангард, ставивший себе целью коренной пересмотр сложившейся культуры и на его основе повседневной жизни.

Предчувствиями крутого поворота истории это новое течение было близко и марксизму, и символизму, но также ориентировалось на достижения науки и техники. Теория и практика футуристов были принципиально направлены на разоблачение главных мифов, которыми жило современное общество, в том числе и того, что они считали «христианским мифом», и выявление разоблаченной реальной (феноменальной) жизни. Внимание авангардистов привлекла не скрытая сущность явления, а оно само и способы обнаружения и описания его формы, постигаемой интуицией и расчетом. Это было возвращение к средневековой традиции номинализма, отрицавшего существование «мира идей». Человека требовалось освободить не только от социального угнетения, но и от угнетения придуманной моралью. Сопутствуя нарастающей революционной волне, они провозглашали ре-

волюцию в быту и в искусстве и были вызывающе антибуржуазны. Вторгшиеся в жизнь новаторы готовились отыскать новые формы среди обломков разрушаемой культуры. Кандинский, используя линию и цвет, стремился к изображению хаоса, лежащего в основании материи и духа. Основатель супрематизма Казимир Малевич рассматривал цвет как основу реальности. Его «Черный квадрат» представляет собой элемент первичного небытия, откуда все появляется и где все исчезает. Павел Филонов подходил к изображению предмета с точки зрения своего учения о «видящем» и «знающем» глазе.

Одним из путей выявления исходной системы первоэлементов, из которых складывалось произведение искусства, было воскрешение «праславянского», «скифского» видения мира. Объединение поэтов получило название «Гилея», по имени древней Таврии. Поэты «Гилеи», они же – люди будущего, «будетляне», провозгласили культ «самовитого» слова, явленного в произведениях Хлебникова, начиная со знаменитого «Заклятия смехом». Хлебников, называвший себя «путейцем языка», проводил поэтические эксперименты с однокоренными словами, прикасаясь тем самым к дохристианской языческой эпохе. Так он пытался сконструировать новые средства межчеловеческого общения. Владимир Маяковский, напротив, искал способы выражения чувств и настроений современной улицы («улица корчится, безъязыкая»), понимая необходимость обновления языка поэ-

зии просторечьем. Достижения русских футуристов в теории и непосредственном творчестве были несомненны, но при этом, как и многие их современники, они теряли из виду отдельного человека – и как персонажа своих произведений, и как читателя. Маяковский со своим «Облаком в штанах» был в этом отношении исключением.

Предсказывая, подобно Блоку, потрясения ближайших лет, видевшихся им «в терновом венке революций», футуристы, однако, смотрели вперед с оптимизмом. Эти пророки, создатели новой культуры, с надеждой ожидали грядущих событий, хотя и не могли себе представить, что произойдет на самом деле. В завершенной в 1916 году поэме «Война и мир», нарисовав ужасные картины гибнущей цивилизации, Маяковский заканчивает ее возгласом веры в близкое осуществление прекрасной утопии.

Лекция 2

Русское общество в годы революции. 1917–1922 гг

Восстание, положившее начало русской революции 1917 года, как чаще всего бывает, началось в столице, в годы войны переименованной в Петроград. Сначала оно было чисто стихийным. 23 февраля (8 марта) была только мирная демонстрация женщин, вызванная введением карточек. Незадолго перед этим возобновились заседания Государственной Думы, а царь, несмотря на общее напряжение, уехал из Петрограда на фронт. Правительство, казалось, совсем не понимало опасности и не принимало действенных мер. Но уже 27 февраля непрекращающиеся волнения обрели силу благодаря поддержке солдат, которые хотели мира и земли как платы за принесенные ими жертвы. Революционные партии сначала почти не имели отношения к происходившим событиям, но народ еще сохранял в себе энергию первой революции. Большинство населения сочувствовало возможному падению царского режима, хотя никакого согласия в том, что должно за этим последовать, не было. Среди представителей образованных классов наметилось три течения – консервативное, либеральное и радикальное. Консерваторы и либералы, несмотря на взаимные противоречия, опирались на Думу

и хотели только обновленной монархии и более успешного ведения затянувшейся войны. Более радикальные социалистические группировки, социал-демократы и эсеры, вошли в Совет рабочих и солдатских депутатов. Подобные Советы по примеру 1905 года стали сразу создаваться революционной массой. Совет выдвинул требование заключения мира «без аннексий и контрибуций».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.